

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Социальная модернизация и кризисные процессы в России*

И. А. КРЫЛОВА

(Институт философии РАН)*

Статья посвящена проблемам социальной модернизации и исследованию связанных с ней кризисных процессов в различных областях жизнедеятельности российского общества в конце XX — начале XXI в. Показана необходимость инновационного социально-экономического и научно-технического развития.

Ключевые слова: социальная модернизация, демодернизация, кризисные процессы, инновационное развитие, социально-экономическое развитие, научно-техническое развитие.

Social Modernization and Crisis Processes in Russia

I. A. KRYLOVA

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS)

The article observes the problems of social modernization and research on the corresponding crisis processes in different areas of life of the Russian society in the end of the 20th — the beginning of the 21st century. The necessity of the innovation social and economic as well as scientific and technical development is shown.

Keywords: social modernization, demodernization, crisis processes, innovation development, social and economic development, scientific and technical development.

В конце XX столетия в условиях кардинальной «переоценки ценностей» России, находящейся в острейшем кризисе и обремененной как внутренними, так и глобальными проблемами после крушения Советского Союза, был взят курс на «социальную модернизацию» — на интеграцию в мировое хозяйство, на активное развитие экономических и научно-технических связей со всеми государствами мира. Предполагалось, что провозглашенная ориентация Рос-

сии на мировой рынок товаров, услуг, капиталов, технологий и т. д. даст мощный импульс ее экономическому и научно-техническому развитию, являясь тем основным звеном, взявшись за которое можно будет решить весь комплекс острейших отечественных проблем как внутреннего, так и глобального характера.

Однако российская действительность начала 90-х годов прошлого века оказалась иной. «Россия сейчас находится в состоя-

* Крылова Ирина Анатольевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 697-98-93. Эл. адрес: socio.philos.@gmail.com

нии, близком к агонии, — писал Н. Н. Моисеев, — и невольно возникает вопрос, а возможно ли остановить этот процесс ее деградации?» И продолжал: «Я уверен, что это возможно! Но для этого нам необходимо опереться на ясное представление о возможном будущем... Нам надо понять, что реально может зависеть от усилий народа, и наметить определенную стратегию наших действий, ориентированных на длительную перспективу... Только тогда наш опыт поможет развить национальное сознание и побудить нацию на новые свершения...» (Моисеев, 1997: 5, 9). Думается, однако, что, несмотря на попытки властных структур наметить основные стратегические направления экономической модернизации и инновационного развития страны (Медведев, 2009), ясного представления о возможном будущем России до сих пор нет.

Закономерен вопрос: возможна ли вообще такая теория и практика модернизации, которая не вела бы к катастрофическому падению жизненного уровня населения, разложению общественной морали и деградации общества?

Выявление постоянных неудач властной модернизации такого рода на протяжении последних десятилетий российской истории является актуальной и малоисследованной социально-философской проблемой.

Дело в том, что в силу исторической генетики российского общества субъектом модернизации в России, как правило, выступает власть, которая генерирует модернизационные импульсы, обеспечивая оптимальный для власти баланс векторов модернизации/архаизации.

Это относится и к модернизации российского социума начала 90-х годов прошлого века. Известный российский философ и политолог А. С. Панарин справедливо отмечал, что, поскольку «проект модернизации России прямо не вытекает из «стихии народной жизни», а привносится в нее извне... в виде передового рыночно-капиталистического учения... практически ни у кого уже не осталось сомнений в том, что речь вновь идет

об очередном великом проекте («учении»), заимствованном извне и навязываемом просвещенной демократической элитой «косному» народу, как и прежде сопротивляющемуся насильственному осчастливлению» (Панарин, 1991: 50). Неудивительно, что в силу ряда причин, прежде всего влияния в стране традиционной культуры, господства радикальной версии модернизации, осуществляющейся в форме вестернизации, игнорирующей культурно-исторический фактор, процесс модернизации в России зашел в тупик.

Как известно, модернизация является процессом социальных трансформаций. Согласно классической модернизационной теории модернизация представляет собой переход из традиционного общества в современное. «В ходе модернизации происходит переход к современному обществу, — пишет В. Г. Федотова. — Оно включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного — ориентацию на инновации — и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти, наличие отложенного спроса, т. е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; капиталистический, экономический, индустриальный характер; массовое образование, активный, деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (технологическая цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.» (Федотова, 2000: 192). Однако, по оценке, в частности, В. Г. Федотовой, в России вместо ожидаемой либеральной демократии сложился анархический социальный порядок, при котором модернизация уступает место анти-, контр- и демодернизационным тенденциям (Федотова, 2005: 222–226).

Поскольку модернизация одних компонентов социальной структуры осуществля-

ется за счет архаизации других, модернизационное продвижение по одним направлениям обуславливает откат, демодернизацию по другим направлениям. Уже первые шаги по пути отечественной модернизации показали, что при этом возникают серьезные «издержки», способные не только обострить все проблемы как национального, так и общецивилизационного характера, но и перекрыть в конечном счете все предполагаемые выгоды «вхождения» страны в мировое хозяйство. Представляется, что подобная ситуация в значительной степени была порождена непродуманностью общей концепции «социальной модернизации», что повлекло за собой кризисные процессы в различных сферах жизнедеятельности российского общества.

Во-первых, в области российской экономики. «Мировой экономический кризис показал: наши дела обстоят далеко не самым лучшим образом, — констатировал Президент РФ Д. Медведев. — Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости» (Медведев, 2009). Как известно, динамика валового внутреннего продукта (ВВП) является одной из наиболее важных характеристик, по которой можно судить не только об эффективности существующей модели экономики, но и о дальнейших перспективах развития того или иного общества. Стабильный рост ВВП показывает, что в стране действует эффективная модель экономики, в результате чего увеличивается национальное богатство, происходит улучшение жизненных условий населения. Бывшим Президентом РФ В. В. Путиным была поставлена задача — удвоить ВВП за десять лет, для этого ежегодный темп роста должен составлять 7%. В России он мог быть достигнут лишь благодаря высоким ценам на нефть. Однако в условиях конъюнктуры мирового рынка «нефтяной вклад» крайне неустойчив. Специалисты предупреждали, что в том случае, если он превратится в отрицательную величину, темпы роста упадут, что и показал мировой финансовый кризис.

Следует учитывать, что совокупные экономические возможности России составляют лишь треть от потенциала бывшего СССР, не говоря уже о доле в мировом хозяйстве и величине внутреннего продукта в расчете на душу населения. К тому же в развитых странах через бюджет проходит почти 50% ВВП, и государство вместе с частным капиталом вкладывает средства в наиболее конкурентоспособные отрасли, которые дают выход на мировой рынок с технически передовой продукцией. Наше же государство (федеральный и региональный бюджеты вместе) «пропускает через бюджет только 30% ВВП и поэтому, конечно, не имеет средств ни на экономическое развитие страны, ни на социальные цели» (Руткевич, 2005: 27). Никто не собирается отменить в России и так называемый налог с личных доходов всех граждан в размере 13%, невиданный ни в одной развитой стране мира, где путем этого же налога в пользу государства забирается более половины доходов у самых богатых граждан (например, в Италии — до 66%). Только эти две меры позволили бы наполнить казну миллиардами долларов «не только для развития новых отраслей экономики и восстановления старых, но и на социальные цели, повысить хотя бы в три раза оплату труда, покончить с бедностью и нищетой значительной части населения, обеспечить вознаграждение за квалифицированный умственный труд «бюджетников», достаточное для приемлемого уровня жизни и квалифицированного выполнения профессиональных обязанностей» (Руткевич, 2005: 27).

К сожалению, отечественный бизнес и чиновники за малым исключением абсолютно не заинтересованы в модернизации и инновационном развитии России, предпочитая получать доходы от еще работающих предприятий советской эпохи и распродажи национальных природных богатств. Поэтому российская экономика продолжает носить примитивную сырьевую направленность, что вынужден признать Президент Российской Федерации Д. Медведев, как и отечествен-

ные эксперты — констатировать, что у нас в стране сейчас нет ни одной отрасли народного хозяйства, которая могла бы конкурировать на мировом рынке. Отсюда следует, что модернизация и экономический подъем в стране (о котором так много говорят отечественные политики и экономисты) невозможны в условиях проводимого социально-экономического курса. Для этого необходимо инновационное социально-экономическое развитие в соответствии с общенациональными, а не частными интересами олигархических кланов и международного капитала.

Во-вторых, реформирование российского общества вызвало в области научно-технического развития не менее кризисные процессы, чем в экономике. Современная действительность свидетельствует о том, что ведущие страны мира не очень заинтересованы в технологической модернизации России, в усилении нашего научно-технического потенциала. Напротив, зачастую предлагаемые западными партнерами варианты развития отдельных производств в России фактически консервируют технологическое отставание отечественной промышленности от мирового уровня, более того, не способствуют снижению технологической нагрузки на природную среду. Передовые страны не спешат делать крупные вложения своих средств в российскую экономику в виде прямых производственных инвестиций, так как невыгодно создавать себе в России конкурентов на мировом рынке по выпуску наукоемкой продукции. А если так, то в результате Россия может оказаться не только в технологической зависимости от развитых стран, но, главное, в стороне от тех передовых отраслей и производств, которые будут определять лицо мировой цивилизации XXI столетия.

В России необходимы модернизация и экологизация отечественного производства, а главное, развитие прежде всего высокотехнологичных производств (как гражданского, так и военного назначения), определяющих НТП и технологическую не-

зависимость страны. А это возможно лишь на основе приоритетного развития образования и науки, как прикладной, так и фундаментальной (которые находятся ныне в глубочайшем кризисе), предоставления молодым специалистам достойной работы на отечественном рынке труда, прекращения «утечки мозгов» за рубеж, грозящей России интеллектуальной катастрофой (Крылова, 2009). В противном случае Россия обречена на дальнейшее ослабление научно-технического потенциала, деградацию наукоемких производств, усиление внешней технологической зависимости и окончательную утрату передовых позиций в мире, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности.

В-третьих, в то время как общественное развитие в ведущих странах идет в направлении всеобщей экологизации, успешное вступление России в мировую экономическую систему не только предоставило возможность «выкачивать» все ценное из нашей страны, но и породило кризисные процессы в сфере экологии. Дело в том, что в условиях глобализации и нарастания угрозы общепланетарной экологической катастрофы развитые страны, исходя из долговременных стратегических целей, некоторые свои собственные природные ресурсы приберегают для будущего. У нас же иностранным капиталом выкачиваются невозполнимые «кладовые» природных богатств, без учета национальных интересов России. В результате природные богатства бывшего «советского пространства» становятся новым мощным источником жизнеобеспечения развитых стран. Опасность состоит в том, что в результате недальновидной экологической политики Россия может не только стать периферийным «государством-донором», мировым сырьевым придатком развитых стран, но и потерять некоторые «перспективные» территории, что повлечет за собой утрату нашей страной своего суверенитета и национальной безопасности.

России в новом столетии почти уготована участь «экологической колонии» и сырьевое-

го придатка ведущих государств мира. Это предполагает: вывоз природных ресурсов, захоронение наиболее токсичных и радиоактивных отходов; вынос наиболее «грязных» в экологическом отношении отраслей промышленности, а также устаревших технологий; экспорт антиэкологических товаров, представляющих опасность здоровью и жизни людей, а также состоянию природной среды обитания. В конечном счете речь идет об отказе России от «суверенитета» и права использовать природные ресурсы в интересах собственного развития. Во избежание превращения страны в сырьевой придаток высокоразвитых стран необходима разработка такой законодательной базы и экологической политики, чтобы не на словах, а на деле национальные интересы России в экологической сфере заключались в «сохранении и оздоровлении окружающей среды», как провозглашено в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации».

В-четвертых, за годы «реформ» проводилась фактически целенаправленная политика разрушения отечественного агропромышленного комплекса. Дело в том, что в условиях обострения продовольственно-демографического кризиса и нарастания угрозы климатической катастрофы на планете продовольственная безопасность представляет одну из ключевых областей глобальной и национальной безопасности. Экологическая угроза в XXI в. состоит в том, что сельское хозяйство будет не в состоянии обеспечить увеличивающееся население мира продовольствием, а возможное сокращение плодородной зоны в результате происходящего изменения климата на планете еще более усугубит катастрофическое положение. По данным Института всемирного наблюдения США, к 2030 г. народонаселение мира может достигнуть 10 млрд человек (если, конечно, не будет мировой пандемии). Причем для поддержания жизненного стандарта потребуется увеличить сельскохозяйственное производство в четыре раза. Это свидетельствует о том, что в новом столетии

продовольствие становится ведущим фактором мировой политики.

В России же в конце XX в. произошло резкое сокращение сельскохозяйственного производства в результате разрушительной политики «реформ» и особенно принятия Земельного кодекса Российской Федерации, что привело фактически не только к потере Россией продовольственной независимости, но и к возможной утрате некоторых перспективных территорий, а в конечном счете суверенитета страны. Опасность состоит в том, что США в новом столетии стремятся стать главным экспортером продовольствия в мире. В то же время еще недавно одним из главных условий для вступления России в ВТО являлся полный отказ от собственного сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности, в результате чего страна могла не только окончательно утратить продовольственную независимость, но и стать очень уязвимой. Поэтому сегодня не случайны различные многочисленные территориальные претензии к России. Думается, что для обеспечения продовольственной безопасности в XXI в. России необходим не только возврат к традиционному для нее продовольственному самообеспечению (на основе восстановления объемов сельскохозяйственного производства, продовольственного потенциала и стратегических запасов), но и создание в противовес «мировому» — евразийского аграрного рынка, в который могли бы войти все заинтересованные страны.

В-пятых, наибольшие потрясения социальные трансформации конца прошлого века в России вызвали в области демографии. Фактически с 1991 г. в результате сложения неблагоприятных социально-экономических и экологических факторов и принятия курса, известного под названием «шоковая терапия», в стране наблюдается устойчивая тенденция депопуляции, принявшая характер подлинной демографической катастрофы. Думается, не случайно в документах ООН говорится не о депопуляции, а о «демографической катастрофе» в России. Ис-

следования показывают, что население России будет дальше продолжать сокращаться в XXI в. По данным ООН, Россия к 2050 г. должна выйти на первое место по убыли населения. Причем при численности русского населения около 120 млн человек ежегодная убыль составляет порядка одного миллиона. «Это означает не «депопуляцию» в принятом у многих наших статистиков смысле этого термина, а вымирание русского народа с невиданной в истории скоростью. Уменьшение доли русских в населении Российской Федерации приобретает характер постоянно действующей тенденции, — подчеркивает М. Н. Руткевич. — Более того, этот процесс будет в ближайшее время прогрессировать» (Руткевич, 2005: 29). Все это свидетельствует не только о демографической катастрофе в России, но о вымирании государствообразующего этноса — русских. Из мировой истории известно, что в прошлом нередко многочисленные для своего времени и, казалось бы, непобедимые народы бесследно исчезали в результате их завоевания и истребления, ассимиляции среди победителей или просто изгнания из мест исторического обитания. В новом тысячелетии Россия «создает прецедент, когда большие народы в мирное время... могут исчезнуть только потому, — считает Л. А. Рыбаковский, — что воспроизводство населения «сузилось» до уровня, не гарантирующего его выживания» (Рыбаковский, 2005: 74).

Приходится констатировать, что, в то время как численность населения соседних стран (в сочетании с увеличением их экономической мощи и боеспособности их армий) быстро возрастает, принимаемые сегодня государством меры по улучшению демографической ситуации в стране, включая так называемый материнский капитал, носят слишком запоздалый характер. Они никоим образом не могут уменьшить скорость вымирания населения России, которое в перспективе неизбежно станет этническим меньшинством.

В-шестых, непродуманные реформы в сфере военного строительства значительно по-

дорвали оборонный потенциал страны и привели к снижению боеспособности Вооруженных сил Российской Федерации. Ныне надежное обеспечение национальной безопасности России требует прежде всего модернизации обычных вооружений и стратегических ядерных сил (которые в значительной степени компенсируют наше техническое отставание в более дорогих обычных вооружениях от стран НАТО) в целях укрепления обороноспособности и военной безопасности. А это возможно лишь на основе эффективной военной политики, опирающейся на новейшие научно-технические достижения и научное прогнозирование, а главное — объективный анализ возможных (в том числе и невоенных) угроз безопасности страны. В противном случае Россия может оказаться в ряду третьеразрядных государств, более того, будет обречена на территориальный раздел между ведущими центрами силы. Следует учитывать, что по прогнозам при существующих демографических тенденциях Россия уже в первой четверти нового столетия «окажется неспособной контролировать свои обширные территории» (Маринов, 2005: 291). В частности, хорошо известны территориальные претензии Китая на российские территории, которые относятся не к заполярным, а к южным регионам Дальнего Востока и представляют наиболее перспективные сельскохозяйственные районы с богатыми природными ресурсами.

В XXI в. особый интерес для стран «золотого миллиарда», и особенно США, представляют неиспользованные до сих пор ресурсы Сибири и Дальнего Востока — уникальные территории, которые являются фактически резервом страны. Надо сказать, что в американской печати многократно публиковались взгляды З. Бжезинского и М. Олбрайт по расчленению современной России, согласно которым «России одной слишком много, например, Сибири. Надо ее оторвать от России, создать там ряд карликовых государств, тогда, мол, сибирские республики замкнут пресловутые «клещи»

вокруг Китая (чтобы он не превратился в могучую державу. — И. К.)» (Кириллов, 2008: 115). Известные отечественные исследователи данной проблемы считают, что в новом столетии в территориальном плане действительно существует реальная опасность ослабления суверенитета России над отдельными территориями Сибири и Дальнего Востока (Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2008: 115). Поэтому в XXI в., несмотря на кардинальные изменения международных отношений, при сохранении существующих кризисных демографических тенденций не следует забывать исторический опыт, что страна не может сохранить свои территории, если они слабо заселены и не защищены.

Таким образом, происходящие кризисные процессы в России свидетельствуют, во-первых, о неадекватности проводимых реформ назревшим задачам общественного развития, во-вторых, являются серьезным политическим фактором, недооценка которого в условиях глобализации и разразившегося мирового финансового кризиса чревата опасностью отката назад и еще большей дестабилизацией социально-политической обстановки в России. Для преобразования нашего общества необходима научно обоснованная концепция «социальной модернизации» России, которая должна учитывать национальные особенности нашего государства и в то же время опираться на позитивный (принимая во внимание и негативный) опыт развития и модернизации других стран. Лишь в этом случае у нас есть шанс преодолеть как внутренние проблемы, так и проблемы глобального характера, а также избежать национальной катастрофы. В противном случае, если не будет собрана политическая воля, не произойдет переход к политике осуществления национальных интересов, инновацион-

ного социально-экономического и научно-технического развития страны, подъема уровня и качества жизни населения, кризисные процессы будут только нарастать, а новый мировой порядок в условиях глобализации будет строиться против России и за счет России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авксентьев, В. А., Гриценко, Г. Д., Дмитриев, А. В. (2008) Региональная конфликтология. Концепты и российская практика. М. : Альфа-М.

Крылова, И. А. (2009) Кризис российской науки в глобальном контексте // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 81–63.

Кириллов, В. В. (2008) Россия и НАТО: кого надо бояться? // Социс. № 12. С. 112–116.

Маринов, М. Б. (2005) Сближение России и Китая: ответ на вызов глобализации // Философия и будущее цивилизации (Тезисы и выст. IV Рос. филос. конгр. М., 24–28 мая 2005 г.). Т. 3. С. 290–291.

Медведев, Д. (2009) Россия, вперед! // Газета.Ru.

Моисеев, Н. Н. (1997) С мыслями о будущем России. М.

Панарин, А. С. (1993) Соблазн западничества и аскеза евразийства // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М. С. 4–15.

Руткевич, М. Н. (2005) Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социс. № 7. С. 22–30.

Рыбаковский, А. Л. (2005) Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. № 3. С. 81–112.

Федотова, В. Г. (2003) Глобализация и модернизация // Глобалистика. Энциклопедия. М. : ЦНПП «Диалог» ; ОАО «Изд-во Радуга». С. 191–194.

Федотова, В. Г. (2005) Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция.